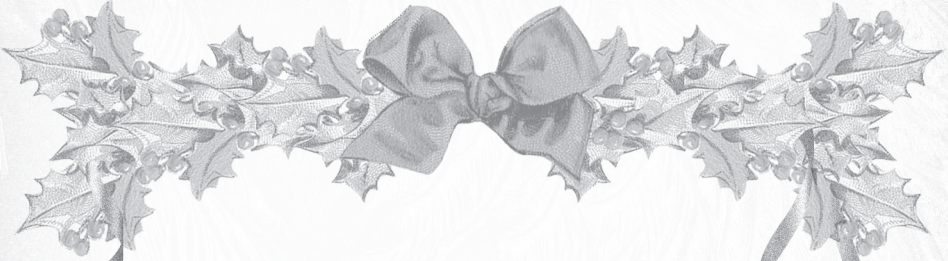

**КОЛЛЕКЦИОННОЕ
ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ**

a

Чарльз Диккенс

Рождественские
видения и традиции

Москва
алгоритм
2023

УДК 821.111-84
ББК 84(4Вел)я44
Д45

Диккенс, Чарльз.
Д45 Рождественские сказки Диккенса. Видения и фантазии дядюшки Скруджа : [перевод с английского] / Чарльз Диккенс. — Москва : Алгоритм, 2023. — 528 с. : ил.

Заглавие на титульной странице «Рождественские видения и традиции».

ISBN 978-5-907211-98-8

Добрый гений Рождества — божество английских семейств. Диккенс в своих рождественских сказках возродил традиции этого замечательного праздника. Диккенс — один из немногих западных писателей, кто сумел воплотить в своем творчестве мир христианских ценностей, мир, живущий согласно евангельским заповедям, где добро и зло измеряются не общественными законами, а верой Христовой.

Писатель создал «философию Рождества», и ему поверили сначала его соотечественники, а немного позже и весь мир. Поэтический мир Диккенса позволяет видеть не то, что есть, а то, что должно быть под чудотворным воздействием фантазии.

УДК 821.111-84
ББК 84(4Вел)я44

ISBN 978-5-907211-98-8

© Вострышев М.И., автор-составитель, 2019
© ООО «Агентство Алгоритм», худож. оформ., дизайн, 2023

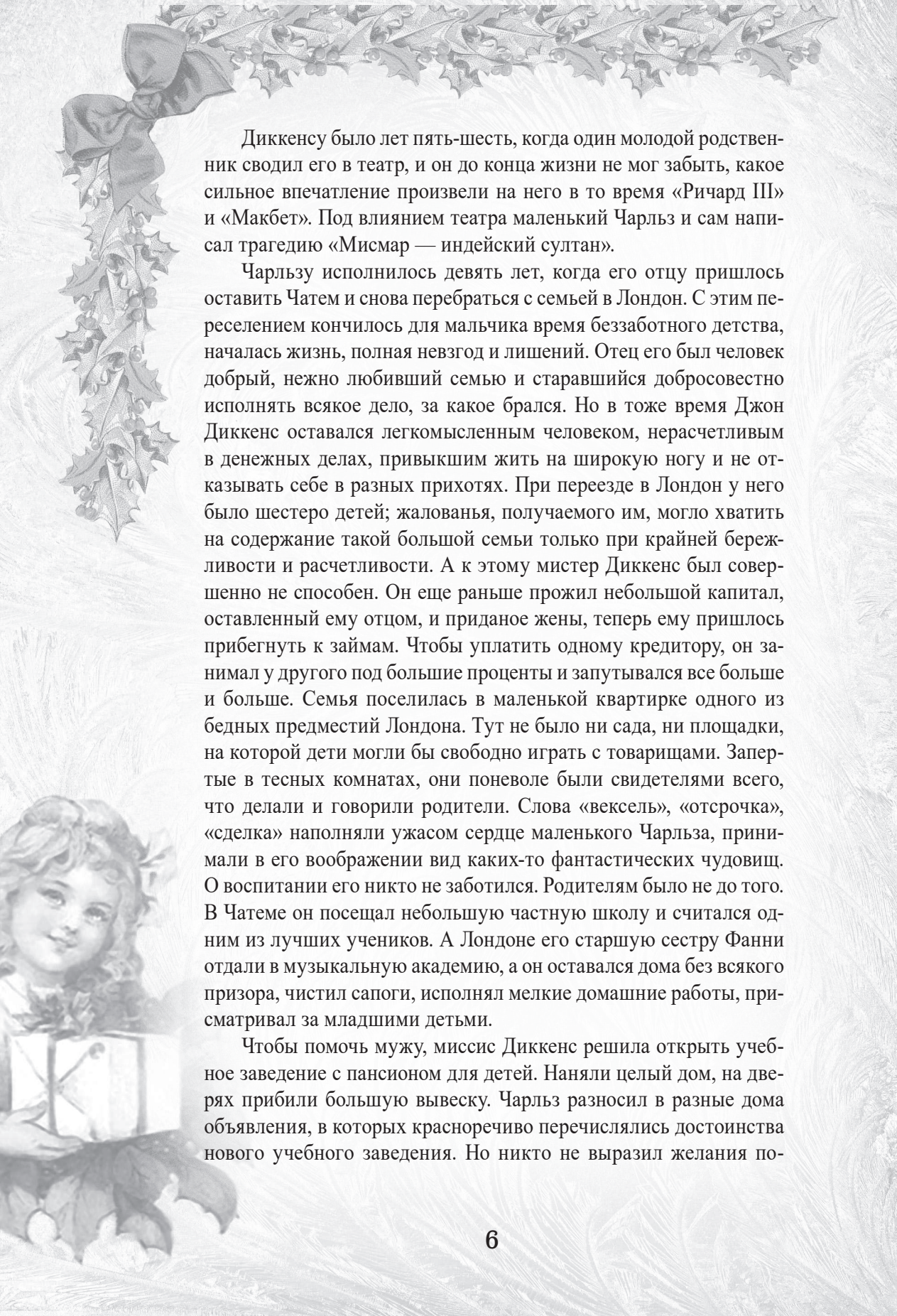
Жизнь и литературная деятельность

Чарльз Диккенс родился 7 февраля 1812 года на берегу пролива Ла-Манш — в предместье портового города Портсмут, где его отец служил мелким чиновником Адмиралтейства. Отец Джон Диккенс был сыном лакея и горничной, мать Элизабет — из семьи мелких чиновников.

Мальчику Чарльзу было всего два года, когда его семья переселилась сначала в Лондон, а в 1817 году — в Чатем. В Чатеме Диккенсы прожили шесть лет, и это было время счастливого детства Чарльза. От природы слабый хилый ребенок, часто страдавший нервными припадками, он не любил шумных детских игр и редко принимал в них участие. Но, может быть, именно благодаря этой физической слабости полнее развивалась его врожденная наблюдательность, его творческая фантазия. Он целыми часами сидел на одном месте и следил внимательными глазами за играми товарищей, за военными упражнениями солдат, за всеми проходившими и проезжавшими мимо дома. Выучившись очень рано грамоте, он пристрастился к книгам и стал с жадностью читать и перечитывать небольшую библиотеку своего отца.

Вся окружающая местность: кладбище, соседняя церковь, трактир — все это связывалось в его воображении с приключениями того или другого героя. Пока прочие дети бегали и резвились, Чарльз жил своей собственной внутренней жизнью и находил в этой жизни нескончаемый источник наслаждений. Мечтательность не делала его, однако, угрюмым и нелюдимым. Он всегда был рад, когда старшая сестра или товарищи просили его рассказать им что-нибудь и с увлечением передавал прочитанные истории, часто прибавляя к ним мир своей фантазии.

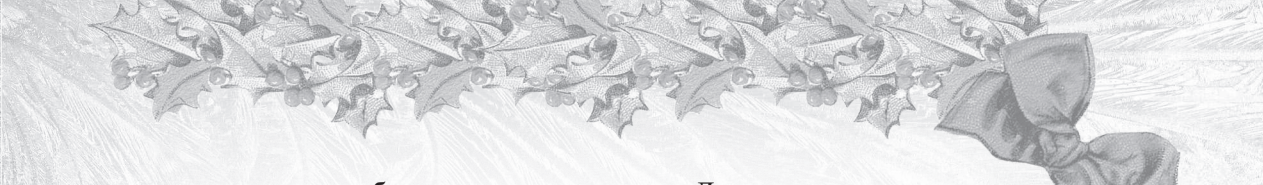

Диккенсу было лет пять-шесть, когда один молодой родственник сводил его в театр, и он до конца жизни не мог забыть, какое сильное впечатление произвели на него в то время «Ричард III» и «Макбет». Под влиянием театра маленький Чарльз и сам написал трагедию «Мисмар — индейский султан».

Чарльзу исполнилось девять лет, когда его отцу пришлось оставить Чатем и снова перебраться с семьей в Лондон. С этим переселением кончилось для мальчика время беззаботного детства, началась жизнь, полная невзгод и лишений. Отец его был человек добрый, нежно любивший семью и старавшийся добросовестно исполнять всякое дело, за какое брался. Но в тоже время Джон Диккенс оставался легкомысленным человеком, нерасчетливым в денежных делах, привыкшим жить на широкую ногу и не отказывать себе в разных прихотях. При переезде в Лондон у него было шестеро детей; жалованья, получаемого им, могло хватить на содержание такой большой семьи только при крайней бережливости и расчетливости. А к этому мистер Диккенс был совершенно не способен. Он еще раньше прожил небольшой капитал, оставленный ему отцом, и приданое жены, теперь ему пришлось прибегнуть к займам. Чтобы уплатить одному кредитору, он занимал у другого под большие проценты и запутывался все больше и больше. Семья поселилась в маленькой квартирке одного из бедных предместий Лондона. Тут не было ни сада, ни площадки, на которой дети могли бы свободно играть с товарищами. Запертые в тесных комнатах, они поневоле были свидетелями всего, что делали и говорили родители. Слова «вексель», «отсрочка», «сделка» наполняли ужасом сердце маленького Чарльза, принимали в его воображении вид каких-то фантастических чудовищ. О воспитании его никто не заботился. Родителям было не до того. В Чатеме он посещал небольшую частную школу и считался одним из лучших учеников. А Лондоне его старшую сестру Фанни отдали в музыкальную академию, а он оставался дома без всякого призора, чистил сапоги, исполнял мелкие домашние работы, присматривал за младшими детьми.

Чтобы помочь мужу, миссис Диккенс решила открыть учебное заведение с пансионом для детей. Наняли целый дом, на дверях прибили большую вывеску. Чарльз разносил в разные дома объявления, в которых красноречиво перечислялись достоинства нового учебного заведения. Но никто не выразил желания по-

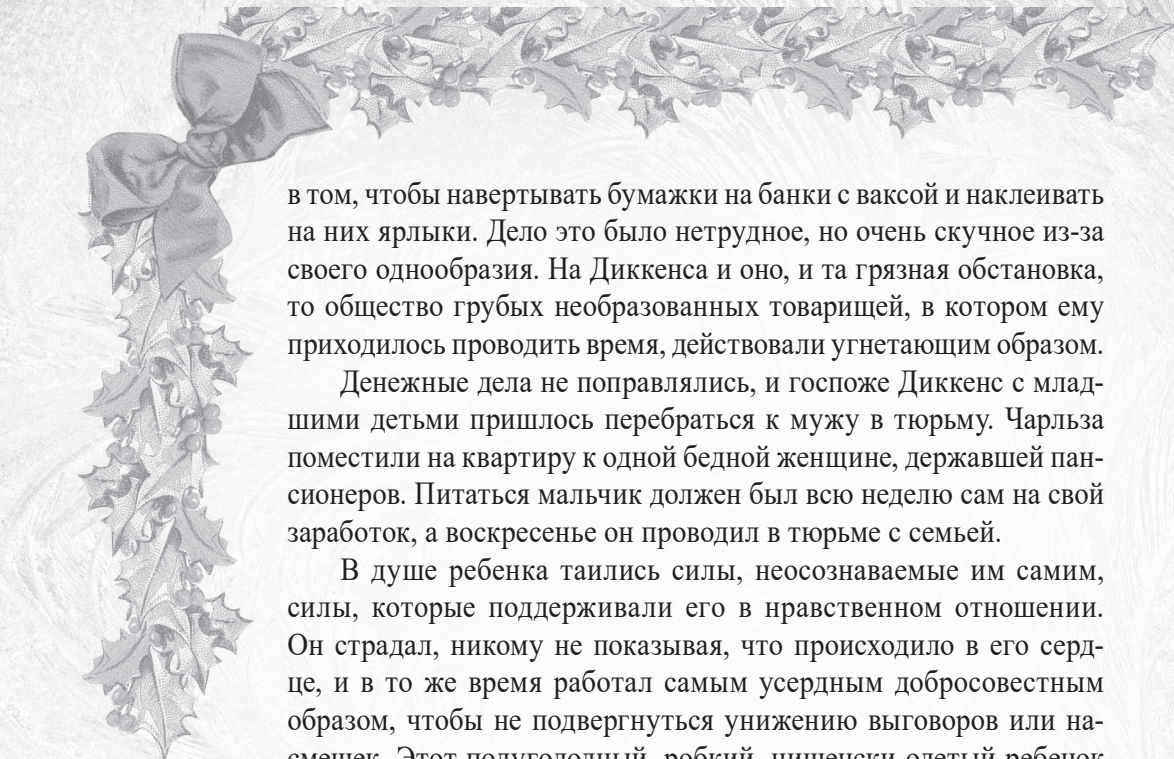
ручить своего ребенка попечению миссис Диккенс, да и в самом «учебном заведении» не делалось никаких серьезных приготовлений к приему учеников.

Между тем кредиторы становились все назойливее: булочники, мясники грубо требовали уплаты по счетам, и дело кончилось тем, что мистер Диккенс был признан несостоятельным должником, арестован и посажен в тюрьму.

Попав в тюрьму, мистер Диккенс, естественно, лишился всякого кредита, и единственным средством жизни семьи осталась небольшая пенсия, которую он получал, потеряв место на службе. Так как этой пенсии не хватало на удовлетворение первых потребностей, то приходилось продавать и закладывать разные домашние вещи. Все сделки со старьевщиками и закладчиками мать по большей части поручала Чарльзу. Слабенький робкий ребенок должен был ходить по грязным лавчонкам, выпрашивать несколько лишних пенсов у грубых хитрых торгашей, которых он впоследствии так живо изобразил в своих романах. Никто не подозревал, какой горечью наполняло это его детское сердце. Но те уроки, которые дала ему суровая действительность, окажутся плодотворнее, чем всякое школьное обучение. Основной чертой произведений Диккенса является его сочувственное отношение к униженным, обездоленным, страдающим бедным людям. Это не снисходительное сострадание гуманного мыслителя, это горячее сочувствие любящего человека, и кто знает, зародилось ли бы в душе его это сочувствие, если бы ему не пришлось быть свидетелем бесчисленных сцен незаслуженного унижения, безропотного горя, безысходной нищеты в тех грязных переулках Лондона, где он начал жить сознательной жизнью; если бы сам он не испытал отчасти и этих унижений, и этого горя, и этой нищеты.

Вскоре Чарльзу пришлось перенести еще более тяжелые испытания. Тот самый родственник, который возбудил в нем страсть к театру, стал пайщиком в одном промышленном предприятии по выделке и продаже ваксы. Он предложил взять в работники Чарльза с платой по шесть шиллингов в неделю.

Дом, в котором помещался склад ваксы, был грязным ветхим зданием, переполненным крысами, которые возились на чердаке и с шумом бегали по лестницам. Чарльз должен был работать в сыром подвальном этаже вместе с двумя другими мальчиками и несколькими взрослыми рабочими. Обязанность его состояла

в том, чтобы наvertывать бумажки на банки с ваксой и наклеивать на них ярлыки. Дело это было нетрудное, но очень скучное из-за своего однообразия. На Диккенса и оно, и та грязная обстановка, то общество грубых необразованных товарищей, в котором ему приходилось проводить время, действовали угнетающим образом.

Денежные дела не поправлялись, и госпоже Диккенс с младшими детьми пришлось перебраться к мужу в тюрьму. Чарльза поместили на квартиру к одной бедной женщине, державшей пансионеров. Питаться мальчик должен был всю неделю сам на свой заработок, а воскресенье он проводил в тюрьме с семьей.

В душе ребенка таились силы, неосознаваемые им самим, силы, которые поддерживали его в нравственном отношении. Он страдал, никому не показывая, что происходило в его сердце, и в то же время работал самым усердным добросовестным образом, чтобы не подвергнуться унижению выговоров или насмешек. Этот полуголодный, робкий, нищенски одетый ребенок так отличался своим обращением и манерой говорить от остальных рабочих, сидевших в одной с ним комнате, что все они, по какому-то молчаливому соглашению, называли его обыкновенно «маленький джентльмен».

Особенно огорчало Диккенса то, что он был разлучен с родителями, семьей, что после целого дня работы он не видел родного приветливого лица. Однажды в воскресенье, прощаясь с отцом на целую неделю, мальчик не выдержал и голосом, прерывающимся от рыданий, высказал все, что накопилось у него на душе. Мистер Диккенс был поражен. По легкомыслию своему он и не подозревал, как плохо живет мальчику. Он немедленно принял меры, чтобы облегчить его положение. Решено было, что Чарльз будет каждый день завтракать и ужинать с семьей, а для ночлега ему наняли крошечную мансарду в одной добродушной семье.

Диккенсу было в то время лет одиннадцать-двенадцать, но он оставался таким маленьким и хилым на вид, что казался гораздо моложе. Когда он заходил в пивные и важно спрашивал кружку эля, продавцы с состраданием поглядывали на него и наливали ему самого слабого пива, а когда по случаю какого-то торжества он вздумал отобедать в большом ресторане, все лакеи собрались смотреть на крошечного джентльмена. Болезненные припадки, мучившие его в раннем детстве, продолжали повторяться время от времени. Диккенс помнил, как за ним ухаживали рабочие, когда он заболел на

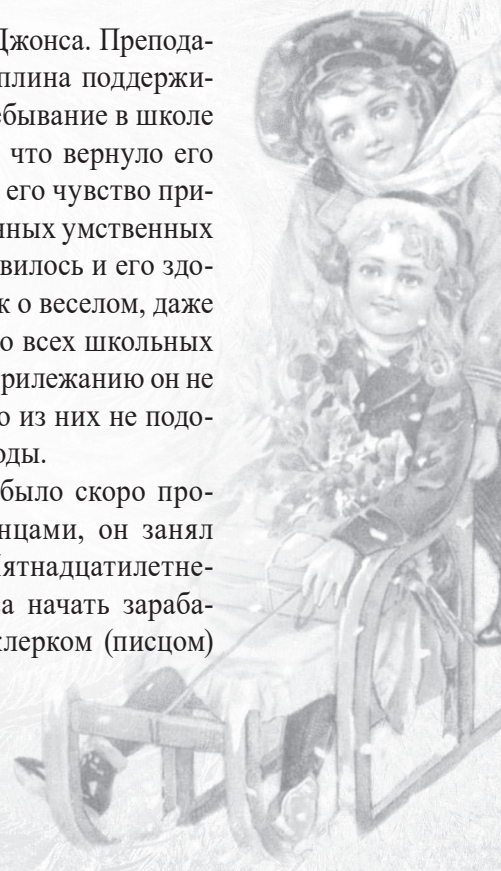
складе ваксы, и как перепугались его хозяева, когда у него однажды ночью случился припадок страшной нервной боли в боку.

Несмотря на неблагоприятную обстановку, наблюдательность и фантазия его не погибали. Мать рассказывала ему истории из жизни разных обитателей долгой тюрьмы, а он своим воображением дополнял и разукрашивал эти рассказы. Часто по утрам ему приходилось ждать около тюрьмы, пока откроют ворота; с ним вместе ждала молоденькая поденщица, приходившая помогать его матери в домашних работах, и он все время занимал ее разными фантастическими рассказами собственного сочинения. У него не было времени на чтение, не было денег на покупку книг, но во время работ на складе ваксы он часто вспоминал романы, прочитанные им в более счастливые годы, и рассказывал их рабочим.

Такая тяжелая жизнь мальчика продолжалась года три, как вдруг отец его неожиданно получил небольшое наследство от своей умершей матери. Это дало ему возможность расплатиться с долгами и выйти из тюрьмы. Ему показалось унижительным, что сын его работает как простой рабочий, он взял Чарльза из мастерской и поместил его в школу. Родные старались никогда не упоминать об этих годах, считавшихся позорными для семьи, и сам романист даже много лет спустя не рассказывал о них даже своим ближайшим друзьям.

Два года провел Диккенс в школе мистера Джонса. Преподавание здесь велось рутинным способом, дисциплина поддерживалась посредством телесных наказаний. Но пребывание в школе имело для мальчика хорошую сторону потому, что вернуло его в общество сверстников, уничтожило мучившее его чувство приниженности и возбудило в нем сознание собственных умственных сил. С изменившимися обстоятельствами поправилось и его здоровье. Товарищи по школе вспоминают о нем как о веселом, даже шаловливом мальчике, охотно участвовавшем во всех школьных проделках. Благодаря хорошим способностям и прилежанию он не отставал в ученье от своих сверстников, и никто из них не подозревал, как шла его жизнь в предшествующие годы.

Наследство, полученное отцом Диккенса, было скоро прожито. Чтобы как-нибудь сводить концы с концами, он занял место репортера в одной небольшой газетке. Пятнадцатилетнему Чарльзу пришлось оставить школу и снова начать зарабатывать свой хлеб. Его определили младшим клерком (писцом)

к стряпчему на жалованье тринадцать с половиной шиллингов в неделю. Опять приходилось ему проводить целые дни за неприятной работой, в обществе конторщиков, юмористические фигуры которых населили впоследствии его произведения. Снова рушились его надежды стать человеком образованным и сколько-нибудь подняться по общественной лестнице, опять видел он в перспективе долгие годы скучной работы, скудного заработка, серой однообразной жизни. Но на этот раз будущий романист не покорился своей участи с безропотностью ребенка. Он решил собственными усилиями выбиться из тяжелых обстоятельств, завоевать более счастливое положение. Чтобы восполнить пробелы своего образования, он стал аккуратно каждый день проводить несколько часов за чтением в библиотеке Британского музея, а для увеличения своих материальных средств задумал сделаться, по примеру отца, репортером и выучиться стенографии. Все немногие минуты, свободные от других занятий, отдавал он учебнику стенографии и достиг того, что года через два-три сделался одним из лучших стенографов Лондона. Долго не удавалось ему получить места в галерее парламента в качестве репортера какой-нибудь политической газеты. Он должен был ограничиваться составлением судебных отчетов. Работа эта была непостоянная, оплачивалась скудно, и Диккенс задумал попробовать свои силы на другом поприще. Он стал готовиться к сцене, ходил в театры, когда там играли хорошие актеры, а дома, запершись у себя в комнате, упражнялся по несколько часов подряд в чтении ролей и в разных мимических движениях. Между тем маленькая газетка «True Sun» предложила ему место стенографа, и таким образом он получил доступ в галерею парламента, а несколько месяцев спустя был зачислен в число репортеров большой ежедневной газеты «Morning Chronicle». Эта новая должность отнимала столько времени и оплачивалась так хорошо, что Диккенс отказался от мечты стать профессиональным актером.

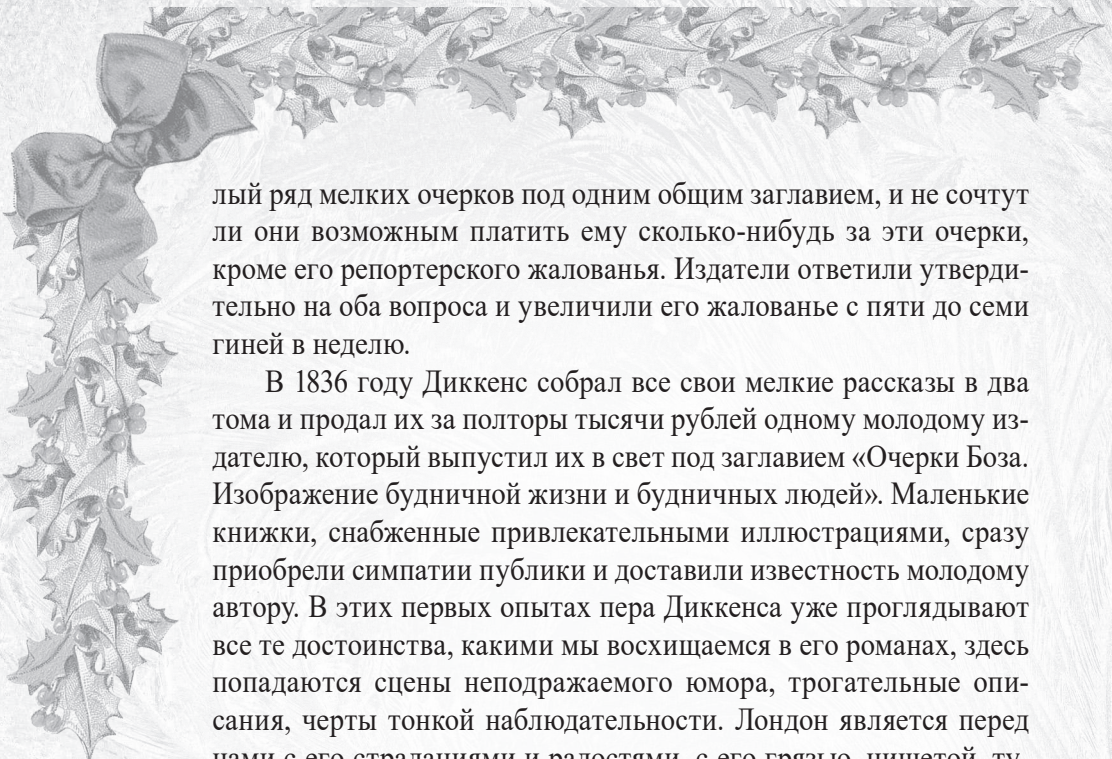
Бесконечная вереница комических и трагических лиц проходила перед его глазами в залах парламента, в палате суда, на шумных избирательных митингах, на торжественных заседаниях разных обществ, в тряских почтовых каретах, в захолустных гостиницах и трактирах. И какое множество этих лиц удалось ему увековечить в своих романах!

Чарльз Диккенс в юности

Одновременно с репортерством началась и литературная деятельность Диккенса. В 1833 году в декабрьской книжке «Old Monthly Magazine» появилось его первое печатное произведение — рассказ «Обед в аллее тополей». Вслед за первым рассказом в том же журнале появилось еще девять, подписанных именем Боз, в честь младшего любимого брата Чарльза, которого домашние называли этим прозвищем.

В 1835 году редакция «Morning Chronicle» решила издавать вечернее приложение к газете, и редактор этого приложения Гогард попросил Диккенса дать ему небольшой рассказ для первого номера. Диккенс с удовольствием согласился и в то же время робко спросил, не пожелают ли издатели газеты принять от него це-

лый ряд мелких очерков под одним общим заглавием, и не сочтут ли они возможным платить ему сколько-нибудь за эти очерки, кроме его репортерского жалованья. Издатели ответили утвердительно на оба вопроса и увеличили его жалованье с пяти до семи гиней в неделю.

В 1836 году Диккенс собрал все свои мелкие рассказы в два тома и продал их за полторы тысячи рублей одному молодому издателю, который выпустил их в свет под заглавием «Очерки Боза. Изображение будничной жизни и будничных людей». Маленькие книжки, снабженные привлекательными иллюстрациями, сразу приобрели симпатии публики и доставили известность молодому автору. В этих первых опытах пера Диккенса уже проглядывают все те достоинства, какими мы восхищаемся в его романах, здесь попадаются сцены неподражаемого юмора, трогательные описания, черты тонкой наблюдательности. Лондон является перед нами с его страданиями и радостями, с его грязью, нищетой, туманами и предрассудками.

В начале 1836 года Диккенс женился на мисс Катерине Гогард, старшей дочери редактора той самой «Вечерней хроники», в которой помещались его «Очерки». Он уже приобрел славу как писатель и мог вполне посвятить себя литературе, не заботясь о постороннем заработке.

Первое крупное произведение Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба» сразу принесло ему и славу, и материальное обеспечение. Первый выпуск этого романа разошелся в количестве четырех тысяч экземпляров, пятнадцатый — в количестве сорока с лишним тысяч. Добродушие старой Англии и благородный чудак мистер Пиквик вызвали огромный читательский интерес. В магазинах выставлены были шляпы, трости, сигары и костюмы а la Пиквик, знакомые, встречаясь на улице, обсуждали приключения действующих лиц романа, точно происшествия из жизни близких знакомых.

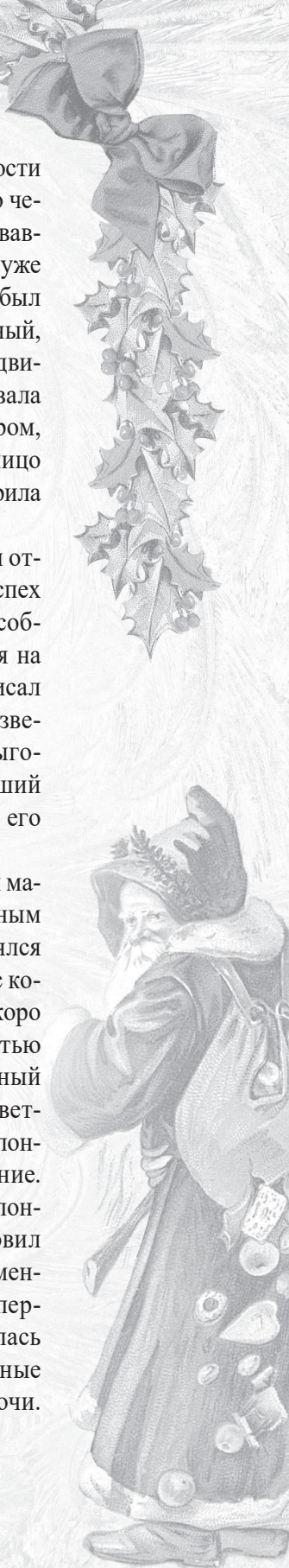
Период тяжелой борьбы за существование безвозвратно прошел для Диккенса. Перед ним открылась широкая дорога славы и материального достатка. Испытания, пережитые в ранней юности, закалили его характер, развили в нем твердую волю, страстную решимость не поддаваться обстоятельствам, а самому господствовать над ними. Пример отца, страдавшего и заставлявшего других страдать из-за легкомыслия и беспорядочности, послужил ему уроком

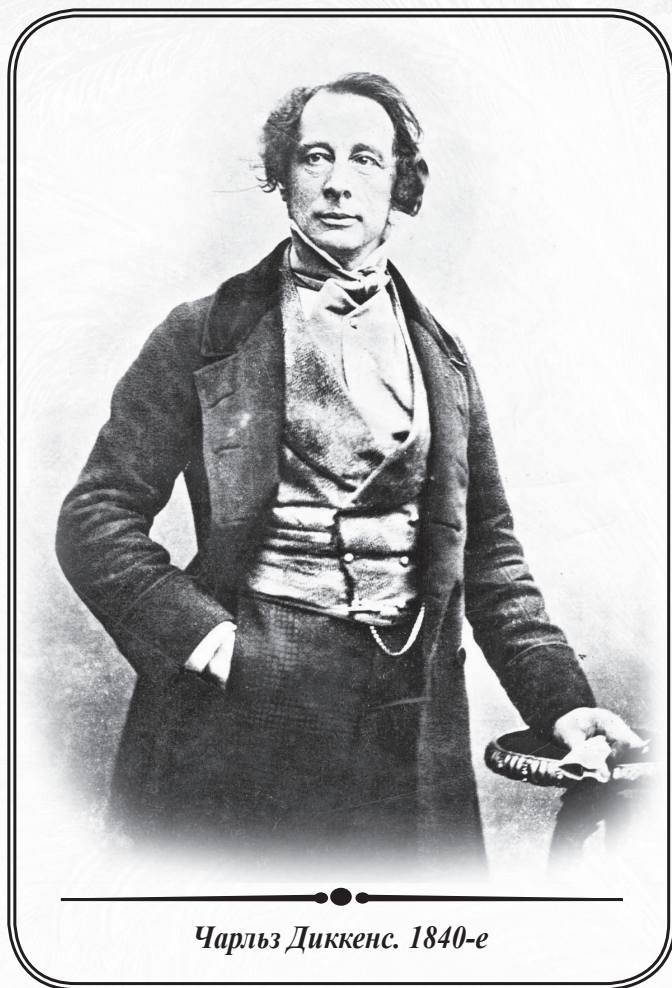
на всю жизнь, и сам он всегда был образцом аккуратности, точности и порядка. Все, кто знал его в то время, отзывались о нем как о человеке в высшей степени привлекательном, обаятельно действовавшем на окружающих. Здоровье его окрепло, он вовсе не походил уже на хилого ребенка, изнывавшего на складе ваксы. Теперь это был молодой человек невысокого роста, но очень правильно сложенный, с легкой поступью, свободными манерами и раскованными движениями. Целая шапка роскошных каштановых кудрей покрывала его голову, ясные голубые глаза его светились веселым юмором, большой рот с полными губами добродушно улыбался. Все лицо его было необыкновенно выразительно, подвижно, фигура говорила о деятельной энергичной натуре.

Диккенс всегда был неутомимым работником, способным отдавать всего себя делу, за которое брался. Неожиданный успех «Посмертных записок Пиквикского клуба» показал ему его собственные силы, его призвание, и он с жадностью набросился на литературную деятельность. В течение четырех лет он написал пять больших романов и, кроме того, несколько мелких произведений. Со своей стороны, издатели сразу поняли, как много выгоды может принести им молодой писатель, так быстро завоевавший себе громадную популярность, и всеми силами подстрекали его писать как можно больше.

Вместе с успехами на литературном поприще возрастало и материальное благосостояние Диккенса. Помощником и поверенным при всех его сделках с издателями и книгопродавцами являлся Джон Форстер — честный, правдивый, практичный человек, с которым Диккенс познакомился в 1836 году, и с которым его скоро связала самая тесная дружба, окончившаяся только со смертью романиста. Старший по возрасту, гораздо более благоразумный и осторожный в житейских делах, Форстер был бесценным советником для писателя, легко поддававшегося увлечениям и склонного всякое свое намерение быстро приводить в исполнение.

В начале 1837 года Диккенс перебрался в просторную лондонскую квартиру на Даути-стрит. Здесь писатель установил себе распорядок дня, которому с тех пор следовал с неизменным постоянством. Работал он обыкновенно утром между первым и вторым завтраком; иногда только, когда накапливалась спешная работа, у него случались, как он выражался, «двойные приливы», и он сидел за письменным столом до поздней ночи.

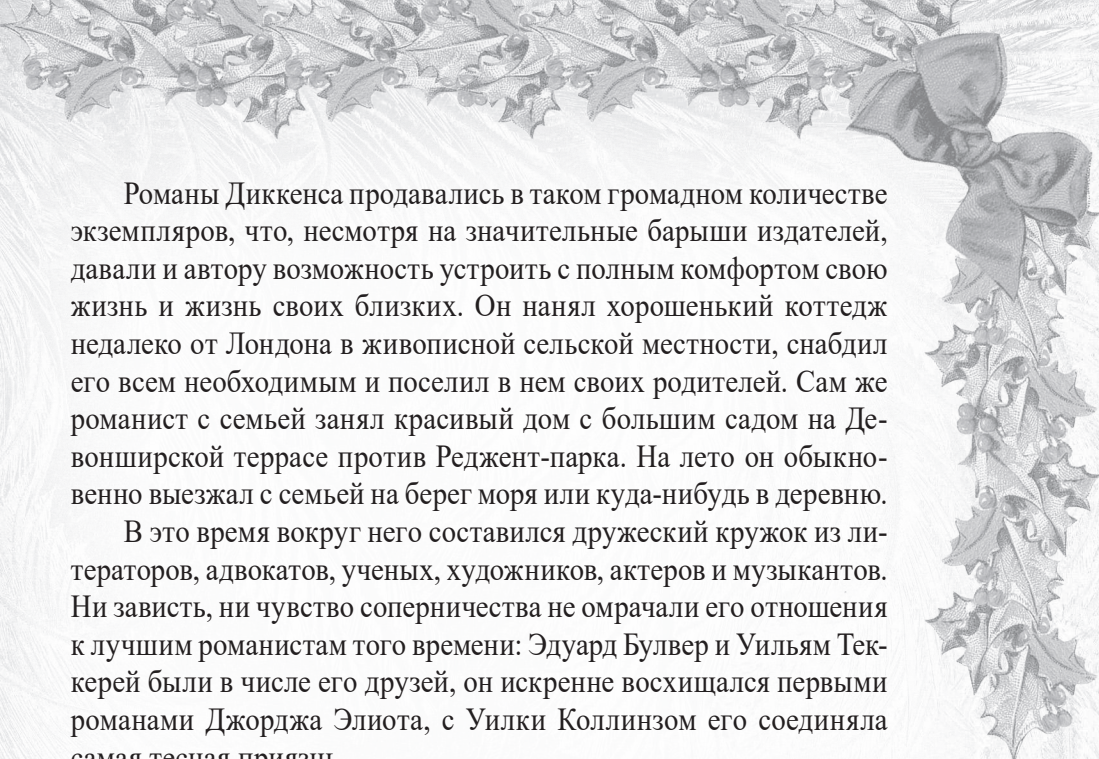

Чарльз Диккенс. 1840-е

Вообще же он, как Гете, находил, что в утренние часы мысль свежее и мозг действует более правильно. Отдыхом от занятий служили ему длинные прогулки пешком и верхом. Пройти за раз двадцать миль для него ничего не стоило. Не было в Лондоне улицы или переулка, которые бы он не исходил десятки раз взад и вперед во все часы дня, во всякую погоду. Особенно любил он гулять в сумерках. Темнота, окутывавшая город, имела для него своеобразное обаяние.

«Приключения Оливера Твиста» (1838 год) был первым настоящим романом Диккенса, романом с завязкой и развязкой. За ним последовало множество других.

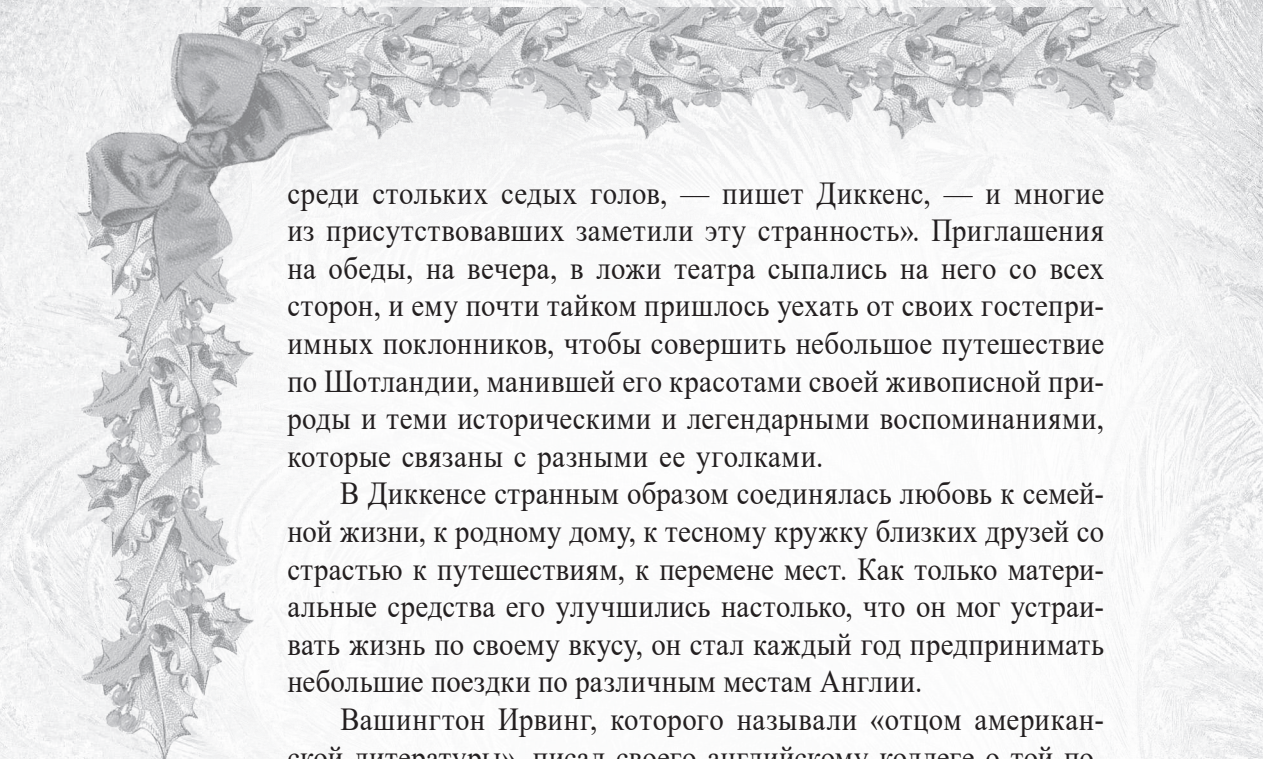

Романы Диккенса продавались в таком громадном количестве экземпляров, что, несмотря на значительные барыши издателей, давали и автору возможность устроить с полным комфортом свою жизнь и жизнь своих близких. Он нанял хорошенький коттедж недалеко от Лондона в живописной сельской местности, снабдил его всем необходимым и поселил в нем своих родителей. Сам же романист с семьей занял красивый дом с большим садом на Девонширской террасе против Реджент-парка. На лето он обыкновенно выезжал с семьей на берег моря или куда-нибудь в деревню.

В это время вокруг него составилась дружеский кружок из литераторов, адвокатов, ученых, художников, актеров и музыкантов. Ни зависть, ни чувство соперничества не омрачали его отношения к лучшим романистам того времени: Эдуард Булвер и Уильям Теккерей были в числе его друзей, он искренне восхищался первыми романами Джорджа Элиота, с Уилки Коллинзом его соединяла самая тесная приязнь.

В обществе Диккенс был человеком в высшей степени приятным, он умел придавать привлекательность самому пустому разговору. Вычитанный им анекдот, случайно подслушанный разговор, сценка, подмеченная на улице, — все в его пересказе являлось остроумным, смешным, привлекательным. Он способен был предаваться веселым забавам с таким же увлечением, с каким предавался серьезной работе. Летом на даче у него постоянно гостили родные и молодые друзья; они устраивали разные атлетические упражнения, игры в мяч и шары, стрельбу в цель, метание диска и тому подобное. Диккенс увлекался этими упражнениями и гордился победами в них не меньше, чем своими литературными успехами.

Летом 1841 года Диккенс совершил вместе с женой путешествие по Шотландии. Издатель «Эдинбургского обозрения», мистер Джеффри, пригласил его посетить Эдинбург от имени своих сограждан, желавших публично выразить уважение его великому таланту. Прием, оказанный ему шотландцами, может быть назван поистине триумфальным. Комнаты, занятые им в отеле, буквально осаждались посетителями, жаждавшими счастья быть представленными знаменитому романисту. Город Эдинбург преподнес ему диплом на право гражданства, в его честь был дан большой обед, на котором присутствовало более трехсот человек. «Странно было видеть мои темные кудри

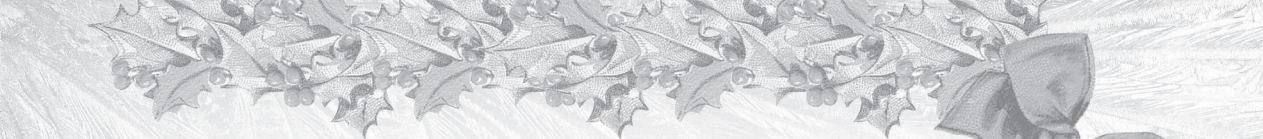

среди стольких седых голов, — пишет Диккенс, — и многие из присутствовавших заметили эту странность». Приглашения на обеды, на вечера, в ложи театра сыпались на него со всех сторон, и ему почти тайком пришлось уехать от своих гостеприимных поклонников, чтобы совершить небольшое путешествие по Шотландии, манившей его красотами своей живописной природы и теми историческими и легендарными воспоминаниями, которые связаны с разными ее уголками.

В Диккенсе странным образом соединялась любовь к семейной жизни, к родному дому, к тесному кружку близких друзей со страстью к путешествиям, к перемене мест. Как только материальные средства его улучшились настолько, что он мог устраивать жизнь по своему вкусу, он стал каждый год предпринимать небольшие поездки по различным местам Англии.

Вашингтон Ирвинг, которого называли «отцом американской литературы», писал своего английскому коллеге о той популярности, какой пользуются его романы в Америке, и звал его лично в этом убедиться. Диккенса неудержимо потянуло за океан. В январе 1842 года он вместе с женою сел на пароход. Море, обыкновенно бурное в это время года, встретило их далеко не гостеприимно. Сильная качка продержала их в постели большую часть пути, им пришлось перенести страшную бурю, едва не разбившую пароход. Но все неудобства и опасности пути были забыты, как только они ступили на берег Америки. Если в Эдинбурге Диккенса встречали с княжескими почестями, то в Соединенных Штатах ему приготовили прием, достойный победителя-триумфатора. Очевидно, он пользовался среди американцев еще большей популярностью, чем среди англичан. Они не менее своих заатлантических собратьев пленялись чертами гуманности, сердечности, человеколюбия, отличающими его произведения, но, кроме того, они находили в них под маской юмора протест против темных сторон английской действительности.

Этот взрыв народного энтузиазма, вызванный исключительно поклонением его таланту, не мог не возбудить чувства горделивой радости в сердце молодого писателя. Под влиянием этого чувства его первые впечатления от американской жизни оказываются самыми розовыми. Он находит, что бостонские женщины очень хороши собой, что американцы отличаются добродушием и услужливостью, что у рабочих в Америке гораздо лучшее положение,

чем в Европе, и что нищенства не существует в больших городах Нового Света.

Но благодушное отношение Диккенса к американскому народу продолжалось недолго: юмор был слишком присущ его натуре, чтобы он не мог не поразиться множеству странных и смешных черт в характере, манерах, способе общения своих американских поклонников.

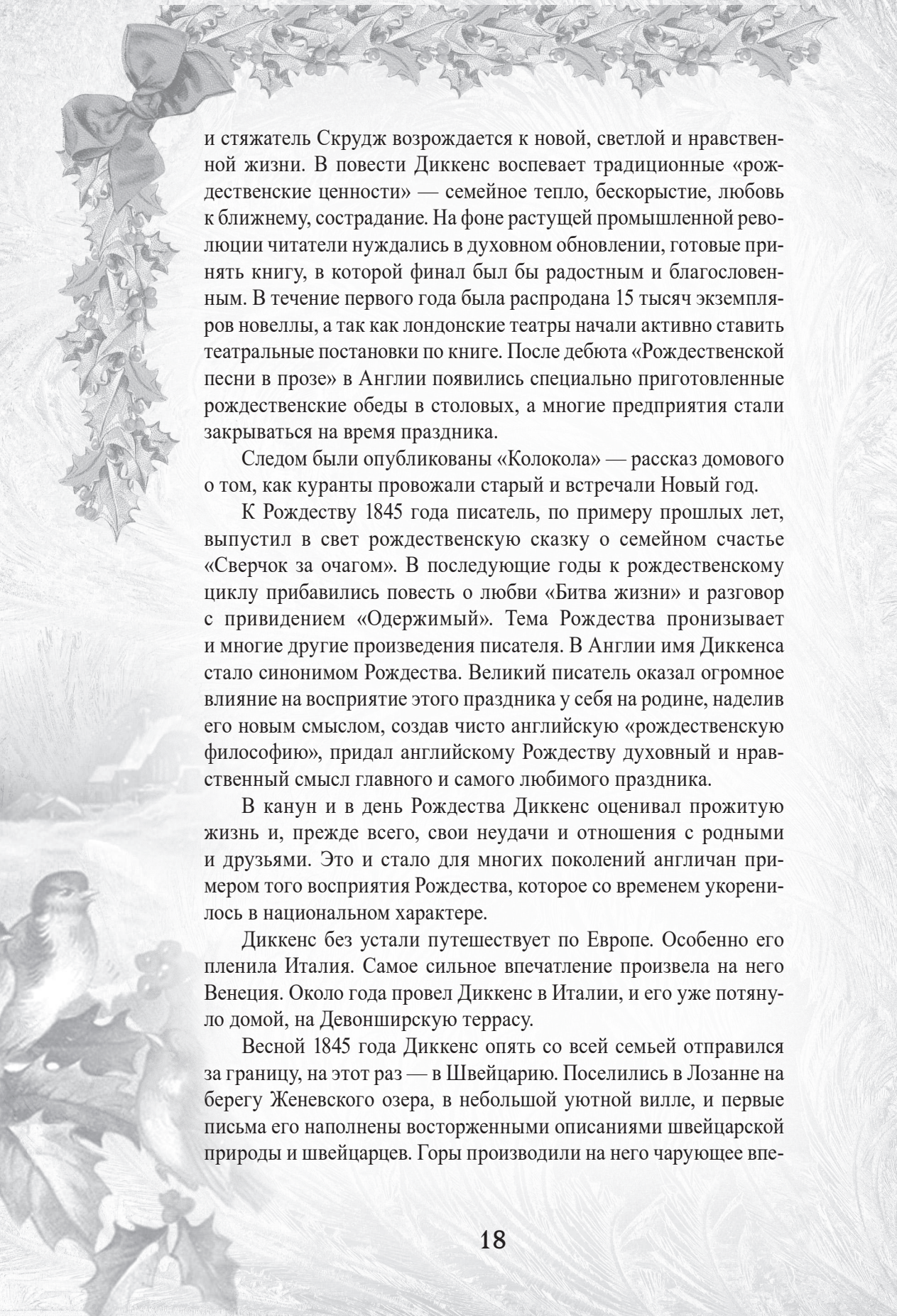
Немедленно по возвращении из Америки Диккенс принялся за приготовление к печати своих «Американских заметок». Он мечтал увидеть в Новом Свете обновленное молодое общество, чуждое пороков и предрассудков Старого Света, проникнутое идеями равенства, свободы, быстрыми шагами идущее по пути прогресса. Но увидел самохвалство и самоуверенность американцев, их ханжество и лицемерие, продажность и преклонение перед долларом. Он предчувствовал, что книга его встретит недружелюбный прием в Америке. И действительно, вся американская пресса, за немногими исключениями, ополчилась на него: его обвиняли в неблагодарности, в низком недоброжелательстве, называли глупым подлецом, клеветником.

Не смущаясь газетных нападок, Диккенс с увлечением продолжал любимую литературную работу.

Осенью 1842 года Диккенс в обществе Форстера и двух художников, Мэклиз и Стенфилда, предпринял поездку в Корнуолл. Частью в экипаже, частью пешком друзья обошли весь юго-западный берег Англии, посетили горы, освященные легендой «Круглого стола», поднялись на вершину Святого Михаила, любовались живописными развалинами, таинственными пещерами и величественным зрелищем солнечного заката с высоты мыса Ландс-Энд.

«Дух красоты и дух веселости были нашими постоянными спутниками, — пишет об этом путешествии Диккенс. — Никогда в жизни я так не смеялся, как в эти дни; на Стенфилда находили такие припадки удушливого хохота, что мы должны были несколько раз колотить его по спине своими мешками, чтобы привести в чувство».

В 1843 году вышла в свет «Рождественская песнь в прозе». Издатель Диккенса поначалу отверг этот святочный рассказ с привидениями, поэтому писатель использовал свои небольшие оставшиеся средства для печати книги. Это история о том, как скряга

и стяжатель Скрудж возрождается к новой, светлой и нравственной жизни. В повести Диккенс воспеваает традиционные «рождественские ценности» — семейное тепло, бескорыстие, любовь к ближнему, сострадание. На фоне растущей промышленной революции читатели нуждались в духовном обновлении, готовые принять книгу, в которой финал был бы радостным и благословенным. В течение первого года была распродана 15 тысяч экземпляров новеллы, а так как лондонские театры начали активно ставить театральные постановки по книге. После дебюта «Рождественской песни в прозе» в Англии появились специально приготовленные рождественские обеды в столовых, а многие предприятия стали закрываться на время праздника.

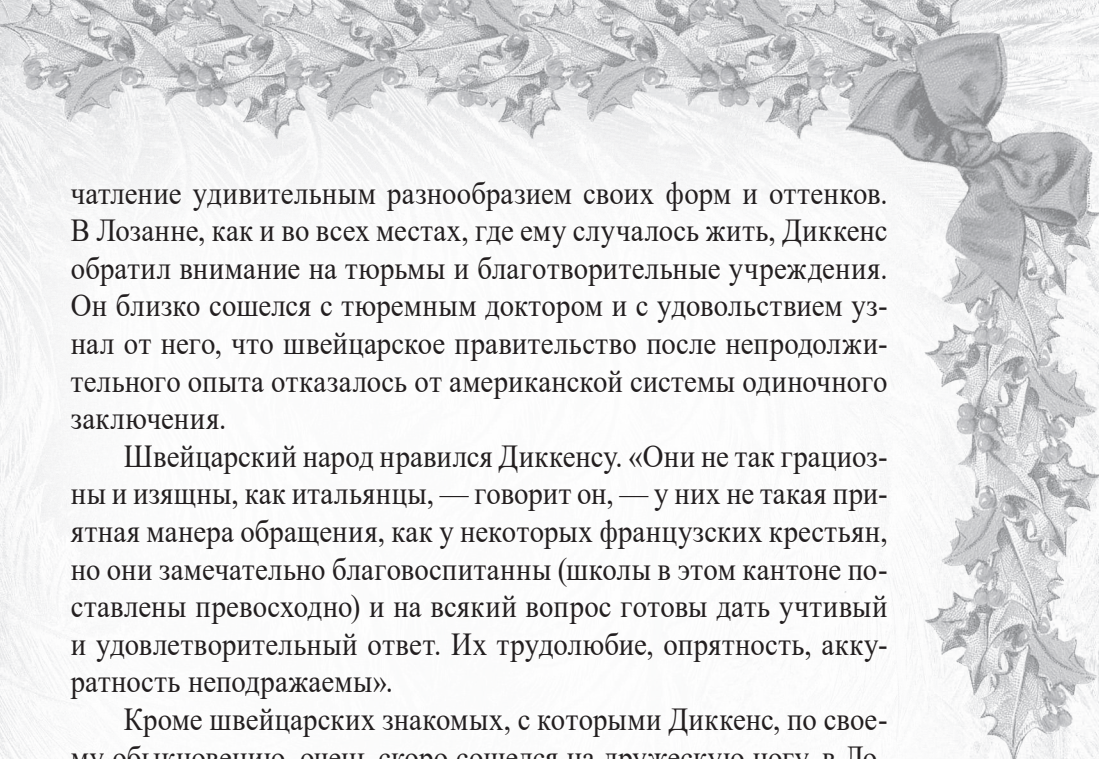
Следом были опубликованы «Колокола» — рассказ домового о том, как куранты провожали старый и встречали Новый год.

К Рождеству 1845 года писатель, по примеру прошлых лет, выпустил в свет рождественскую сказку о семейном счастье «Сверчок за очагом». В последующие годы к рождественскому циклу прибавились повесть о любви «Битва жизни» и разговор с привидением «Одержимый». Тема Рождества пронизывает и многие другие произведения писателя. В Англии имя Диккенса стало синонимом Рождества. Великий писатель оказал огромное влияние на восприятие этого праздника у себя на родине, наделив его новым смыслом, создав чисто английскую «рождественскую философию», придал английскому Рождеству духовный и нравственный смысл главного и самого любимого праздника.

В канун и в день Рождества Диккенс оценивал прожитую жизнь и, прежде всего, свои неудачи и отношения с родными и друзьями. Это и стало для многих поколений англичан примером того восприятия Рождества, которое со временем укоренилось в национальном характере.

Диккенс без усталости путешествует по Европе. Особенно его пленила Италия. Самое сильное впечатление произвела на него Венеция. Около года провел Диккенс в Италии, и его уже потянуло домой, на Девонширскую террасу.

Весной 1845 года Диккенс опять со всей семьей отправился за границу, на этот раз — в Швейцарию. Поселились в Лозанне на берегу Женевского озера, в небольшой уютной вилле, и первые письма его наполнены восторженными описаниями швейцарской природы и швейцарцев. Горы производили на него чарующее впечатление.

чатление удивительным разнообразием своих форм и оттенков. В Лозанне, как и во всех местах, где ему случалось жить, Диккенс обратил внимание на тюрьмы и благотворительные учреждения. Он близко сошелся с тюремным доктором и с удовольствием узнал от него, что швейцарское правительство после непродолжительного опыта отказалось от американской системы одиночного заключения.

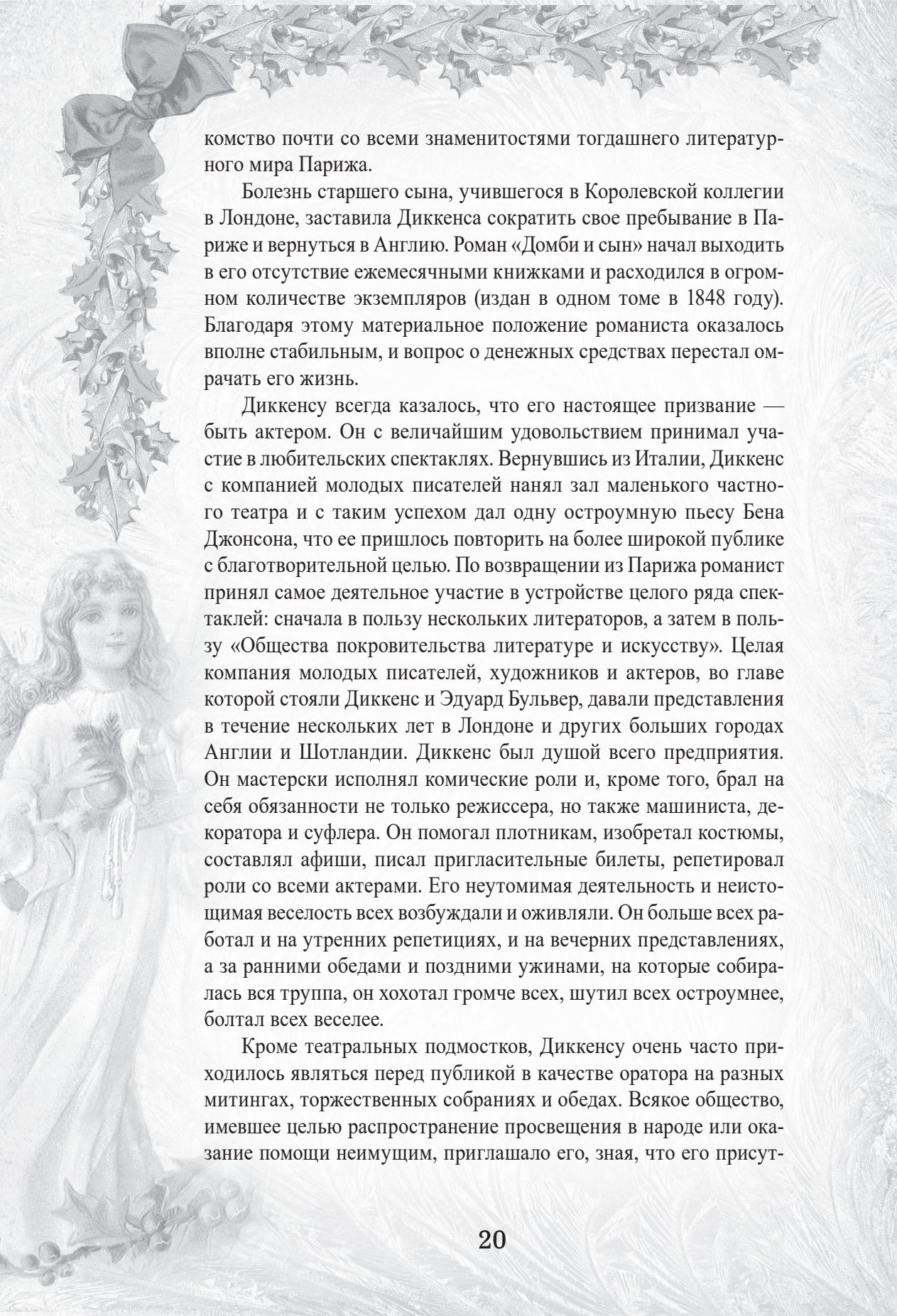
Швейцарский народ нравился Диккенсу. «Они не так грациозны и изящны, как итальянцы, — говорит он, — у них не такая приятная манера обращения, как у некоторых французских крестьян, но они замечательно благовоспитанны (школы в этом кантоне поставлены превосходно) и на всякий вопрос готовы дать учтивый и удовлетворительный ответ. Их трудолюбие, опрятность, аккуратность неподражаемы».

Кроме швейцарских знакомых, с которыми Диккенс, по своему обыкновению, очень скоро сошелся на дружескую ногу, в Лозанне жила целая колония образованных симпатичных англичан, с радостью принявших в свой кружок романиста и его семью. Вместе они совершали прогулки по окрестностям и более длинные экскурсии в горы, им же Диккенс прочел первые главы своего романа «Домби и сын». Лондонские друзья тоже временами навещали хорошенькую виллу на берегу Женевского озера; все соединилось, чтобы сделать Диккенсу жизнь приятной, и он действительно чувствовал себя отлично, пока не принялся серьезно за работу.

Немало времени Диккенс проводил также в Париже, улицы которого могли, по его мнению, заменить ему лондонские окрестности.

Париж конца царствования короля Луи-Филиппа, свергнутого с престола Французской революцией 1848 года, произвел неприятное впечатление на романиста. В воздухе чувствовалось что-то недоброе. С одной стороны, Диккенс замечал нищету населения, из-за которой в городе процветали воровство и грабежи на самых людных улицах, с другой — его удивляли беззаботность и легкомыслие обеспеченных классов. Ни одно из общественных учреждений Парижа не осталось не осмотренным Диккенсом; он всюду побывал: в тюрьмах, во дворцах, в больницах, на кладбищах. Французские театры сильно увлекали его, и он большую часть вечеров проводил в одном из них. Ему удалось завести зна-

комство почти со всеми знаменитостями тогдашнего литературного мира Парижа.

Болезнь старшего сына, учившегося в Королевской коллегии в Лондоне, заставила Диккенса сократить свое пребывание в Париже и вернуться в Англию. Роман «Домби и сын» начал выходить в его отсутствие ежемесячными книжками и расхodziлся в огромном количестве экземпляров (издан в одном томе в 1848 году). Благодаря этому материальное положение романиста оказалось вполне стабильным, и вопрос о денежных средствах перестал омрачать его жизнь.

Диккенсу всегда казалось, что его настоящее призвание — быть актером. Он с величайшим удовольствием принимал участие в любительских спектаклях. Вернувшись из Италии, Диккенс с компанией молодых писателей нанял зал маленького частного театра и с таким успехом дал одну остроумную пьесу Бена Джонсона, что ее пришлось повторить на более широкой публике с благотворительной целью. По возвращении из Парижа романист принял самое деятельное участие в устройстве целого ряда спектаклей: сначала в пользу нескольких литераторов, а затем в пользу «Общества покровительства литературе и искусству». Целая компания молодых писателей, художников и актеров, во главе которой стояли Диккенс и Эдуард Бульвер, давали представления в течение нескольких лет в Лондоне и других больших городах Англии и Шотландии. Диккенс был душой всего предприятия. Он мастерски исполнял комические роли и, кроме того, брал на себя обязанности не только режиссера, но также машиниста, декоратора и суфлера. Он помогал плотникам, изобретал костюмы, составлял афиши, писал пригласительные билеты, репетировал роли со всеми актерами. Его неутомимая деятельность и неиссякаемая веселость всех возбуждали и оживляли. Он больше всех работал и на утренних репетициях, и на вечерних представлениях, а за ранними обедами и поздними ужинами, на которые собиралась вся труппа, он хохотал громче всех, шутил всех остроумнее, болтал всех веселее.

Кроме театральных подмостков, Диккенсу очень часто приходилось являться перед публикой в качестве оратора на разных митингах, торжественных собраниях и обедах. Всякое общество, имевшее целью распространение просвещения в народе или оказание помощи неимущим, приглашало его, зная, что его присут-